

А.Г. ГОЛОВИН

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТИ НАРОДОМ В ЗЕРКАЛЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

***Аннотация.** В статье показано, что, не будучи прямо поименованной в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, конституционно-правовая концепция делегирования власти народом имплицитно прослеживается в его позициях; ввиду этого в дальнейшем представляется целесообразным еще более предметное обращение Конституционного Суда к данной концепции, обладающей огромным потенциалом. Сквозь призму практики Конституционного Суда исследуются важные аспекты понимания народного суверенитета, воли народа, затрагивается конституционно-аксиологический подход к пониманию механизмов делегирования власти, высших форм непосредственного выражения власти народа — референдума и свободных выборов, а также очень близко примыкающих к ним по своей правовой природе всенародного голосования и общероссийского голосования. Излагается авторская позиция по принципиально важному вопросу о пределах полномочия народа в рамках концепции делегирования власти. Формулируется вывод о том, что в процессе развития научно-теоретических и практических подходов к исследованной проблематике обоснованным является переход к концепции ответственного делегирования власти народом, являющегося коммуникационным метапринципом — базовой концептуальной идеи, на которой строится система взаимоотношений в пространстве «личность — общество — государство» (в ее публично-правовом выражении), и которая служит обеспечению стабильности этой системы.*

***Ключевые слова:** народовластие, народный суверенитет, учредительная власть народа, делегирование власти, концепция делегирования власти народом, ответственное делегирование власти, выборы, референдум.*

DELEGATION OF POWER BY THE PEOPLE IN THE MIRROR OF PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

***Abstract.** The article shows that, not being directly named in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the constitutional law concept of delegation of power by*

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, начальник отдела мониторинга законодательных инициатив и систематизации законодательства Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

the people is implicitly traced in its positions, which is why in the future it seems appropriate to even more substantive appeal of the Constitutional Court to this concept, which has great potential. Through the prism of the practice of the Constitutional Court, important aspects of understanding people's sovereignty, the will of the people are examined, the constitutional-axiological approach to understanding the mechanisms of delegation of power, the highest forms of direct expression of the power of the people — a referendum and free elections, as well as very close to them in their legal nature of the nationwide voting and all-Russian voting. The author's position on the fundamentally important issue of the limits of the sovereignty of the people within the framework of the concept of delegation of power is presented. The conclusion is formulated that in the process of developing scientific-theoretical and practical approaches to the studied issues, it is reasonable to move to the concept of responsible delegation of power by the people, which is a communication metaprinciple — the basic conceptual idea on which the system of relationships in the space «personality — society — state» is built (in its public-law terms), and which serves to ensure the stability of this system.
Keywords: *democracy, people's sovereignty, constituent power of the people, delegation of power, concept of delegation of power by the people, responsible delegation of power, elections, referendum.*

В настоящее время институты непосредственного народовластия в российском цивилизационном пространстве проходят новый этап своего развития и утверждения особой значимости для государственного строительства. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году ознаменовало очередную стадию эволюции форм реализации учредительной власти народа, став имеющей особую юридическую природу новой формой непосредственного народного волеизъявления, к которой обратился конституционный законодатель, руководствуясь принципом народовластия¹. Состоявшиеся в сентябре 2022 года референдумы в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях, на которых был поддержан вопрос о вхождении указанных республик и областей в состав Российской Федерации на правах субъектов Федерации, вслед за общекрымским референдумом 2014 года, на котором был поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией, продемонстрировали особую значимость народного волеизъявления для решения принципиально важных вопросов в плоскости государственности, конституционализма и будущего целых народов.

Несомненна значимость актов реализации учредительной власти народа в общей архитектуре многоаспектных отношений, объединяемых емким понятием демократии в современном его звучании. О.Е. Кутафин подчеркивал:

---

¹ См.: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 23 марта 2020 года, № 12, ст. 1855).

«В условиях народовластия осуществление власти конституируется, легитимируется и контролируется народом» [1, с. 102]. Этот процесс с позиций правоведения наилучшим образом, на наш взгляд, описывается в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом, которая позволяет всесторонне раскрыть длящийся процесс перехода власти от ее источника — народа государства — к учреждаемым и легитимизируемым в соответствии с конституцией государства органам публичной власти разных уровней — от муниципального до федерального.

При этом правовая наука призвана, тонко чувствуя пульс времени, вырабатывать и предлагать обоснованные идеи и теоретические конструкции, служащие приоритету обеспечения наиболее гармоничного развития государства и общества в их единстве и постоянном конструктивном диалоге. Эти идеи призваны не разделять, но объединять, способствуя укреплению стабильности развития всего общественно-государственного организма. По нашему убеждению, такой теоретической конструкцией, основанной на глубокой взаимной внутренней ответственности народа и государства за функционирование механизма публичной власти, может служить *конституционно-правовая концепция ответственного делегирования власти народом* [подробнее о теоретических основах этой концепции см., например: 2, с. 34–45; 3, с. 71–88].

В рамках указанной концепции обратимся к имеющей глубокие научно-теоретические основы практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее также — Конституционный Суд) в части важных теоретико-методологических аспектов понимания делегирования власти народом в нашей стране.

В.Д. Зорькин характеризует Конституционный Суд «в качестве абсолютно необходимого стране института обеспечения и защиты прав и свобод человека, правового развития общества, социальной стабильности, целостности и суверенности Российского государства» [4, с. 1]. В исследованиях высказывается мнение, что деятельность Конституционного Суда оказывает «наибольшее воздействие на нормы конституционного права» [5, с. 1384]. Правовые позиции Конституционного Суда [в настоящем исследовании понятие «правовая позиция Конституционного Суда» мы используем в традиционно принятом его понимании как сформулированной в постановлении или определении точки зрения Суда на тот или иной аспект рассматриваемого дела (понятие «правовая позиция» получило широкое применение, в том числе и в работах ученых — судей Конституционного Суда. См., например: 6, с. 40–46). Хотя нам известно о теоретической дискуссионности содержания данного понятия, — см.: 7, с. 5–15)], а также ранее изложенные по конкретным делам мнения и особые мнения его судей — источник ценнейшей информации для конституционно-правового осмысления тех или иных феноменов правовой и общественно-политической действительности, включая, безусловно, те, которые лежат в плоскости

практической реализации народовластия, избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.

Оговоримся, что согласно действующим положениям статьи 76 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² особое мнение или мнение судьи приобщается к протоколу заседания Конституционного Суда и хранится вместе с ним; судья Конституционного Суда не вправе обнародовать особое мнение или мнение в какой-либо форме или публично на него ссылаться. Относительно такого решения федерального законодателя, принятого в 2020 году³, например, А.А. Клишас отметил, что «ограничение публикации особых мнений судей Конституционного Суда РФ направлено на повышение авторитетности восприятия решений Суда обществом, исключение возможности влияния общественных настроений на принимаемые Судом решения» [8, с. 19]. При этом в научных целях для иллюстрации некоторых тезисов настоящего исследования мы сочли уместным обратиться к ряду опубликованных в предшествующие десятилетия мнений и особых мнений судей Конституционного Суда в части доктринальных рассуждений, затрагивающих значимые аспекты концепции делегирования власти народом.

Ранее мы уже отмечали, что воззрения на Конституционный Суд как на правотворческий орган эволюционировали от концепции «негативного законодателя» (то есть органа, принимающего акты, которые отменяют нормы права, признаваемые утратившими силу ввиду их неконституционности) до концепции «позитивного», «второго законодателя» [9, с. 42]. Ряд аспектов вопроса о природе актов Конституционного Суда как источников права остаются дискуссионными, однако бесспорно одно: практика высшего судебного органа конституционного контроля оказывает огромное влияние не только на понимание норм российской Конституции и развитие текущего законодательства, но и на конституционно-правовую доктрину (понимаемую как «авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций» [10]) и отечественную юридическую науку в целом.

В зеркале практики Конституционного Суда отражаются важнейшие вехи истории современного государственного строительства и соответствующие им концепции, обретающие в плоскости конституционного правосудия глубокое научное осмысление и всестороннюю конституционно-правовую аргументацию.

Исходным тезисом настоящего исследования⁴ является понимание того, что, *не будучи прямо поименованной и четко проартикулированной*

² Собрание законодательства Российской Федерации, 25.07.1994, № 13, ст. 1447 (первоначальный текст).

³ Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 года № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 16.11.2020, № 46, ст. 7196).

⁴ Подчеркнем, что в настоящем исследовании мы ни в коей мере не преследуем цели давать какие-либо оценки конкретным правовым позициям Конституционного Суда или точкам зрения, отра-

в решениях Конституционного Суда, концепция делегирования власти народом имплицитно прослеживается в его позициях и особых мнениях, мнениях судей; ввиду данного обстоятельства представляется целесообразным еще более предметное обращение Конституционного Суда к этой концепции, обладающей огромным конституционно-правовым потенциалом.

Согласимся с Б.С. Эбзеевым, что «именно Конституция должна быть той базой, на которой формируется российская конституционно-правовая доктрина» [11, с. 11]. Основываясь на емких формулировках конституционных норм, Конституционный Суд в целом и его судьи при формировании своих позиций неоднократно обращались к вопросам, касающимся элементов конституционно-правовой концепции делегирования власти народом в России, включая основные аспекты понимания народного суверенитета, передачи властных полномочий, реализации воли народа посредством референдума и свободных выборов и иных важных сторон этого феномена. Представляется, что научный анализ соответствующих позиций в сочетании с воззрениями, развивающимися в русле отечественной конституционно-правовой науки, актуален и полезен для дальнейшего развития и наполнения современными смыслами вышеназванной концепции, весьма значимой для российского конституционализма.

Прежде всего отметим, что достаточно четкое выражение получила концепция *народного суверенитета*: Конституционным Судом неоднократно излагалась позиция, согласно которой Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России⁵, при этом Суд оперирует понятием «народ-суверен»⁶, которое как таковое в концентрированном виде

женным в мнениях и особых мнениях его судей, а лишь стремимся к анализу ключевых теоретико-методологических подходов к конституционно-правовому осмыслению многоаспектного феномена делегирования народом власти, лежащих в основе сформулированных позиций и мнений. На наш взгляд, это имеет несомненную научно-теоретическую и практическую ценность для дальнейшего развития современной концепции делегирования народом власти в Российской Федерации, понимания сущности народного суверенитета, духа народовластия и народного представительства. Оговоримся также, что в настоящей работе затронуты далеко не все решения Конституционного Суда, касающиеся законодательства о выборах и референдумах, а лишь те, которые позволяют, на наш взгляд, в достаточной мере продемонстрировать ключевые теоретико-методологические аспекты понимания вышеуказанной концепции.

⁵ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.06.2000, № 25, ст. 2728); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» с Особым мнением судьи В.О. Лучина (Собрание законодательства Российской Федерации, 17.07.2000, № 29, ст. 3117).

⁶ См., например: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренная решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября

отражает неотъемлемую черту народа — его роль как носителя суверенитета. При этом в российской Конституции народ не отождествлен ни с суверенитетом, ни с властью, их соотношение опосредовано вполне конкретными атрибутивными характеристиками: народ является единственным *источником* власти и выступает *носителем* суверенитета (ч. 1 ст. 3). Эти свойства четко корреспондируют аксиологической основе, выраженной в преамбуле Конституции, в том числе стремлению многонационального народа посредством реализации своей учредительной власти (вытекающей как раз из понимания народа как источника власти) утвердить незыблемость демократической основы России, прав и свобод человека, гражданского мира и согласия.

Б.С. Эбзеев подчеркивает: «Народный суверенитет не есть сама власть, это — организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение; его смысл — в юридической институционализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах» [12, с. 33–34]. Этот подход видится нам исключительно точно отражающим суть соотношения пределов учредительной власти народа, определяющих и границы делегирования власти, с параметрами демократии, устанавливаемыми конституцией государства. Принимая конституцию и реализуя тем самым свою учредительную власть в наиболее высоком ее проявлении, народ определяет четкие параметры и пределы реализации своего суверенитета и делегирования власти учреждаемым органам, которыми конституирует и ограничивает свою непосредственную власть, что и выступает организационно-политической основой осуществления народного суверенитета.

При этом такое понимание ни в коей мере не подменяет собой суверенитета государственного, напротив, органично с ним сочетается. В настоящее время понимание суверенитета довольно определенно увязывается со свободой народа и взаимной ответственностью личности, общества и государства. Президент Российской Федерации В.В. Путин, подчеркнув, что «на каждом из нас лежит колоссальная ответственность за Россию», особо отметил: «Суверенитет — это гарантия свободы каждого. И в нашей традиции человек не может чувствовать себя по-настоящему свободным, если не свободен его народ, Отечество, Россия, Родина. Ответственная, сильная власть в нашем государстве служит и будет служить только народу России, и его поддержка по ключевым вопросам внутренней и внешней повестки — залог успешного, безопасного развития нашей страны как одного из центров формирующегося сейчас более справедливого, многополярного мира»⁷. В этом ключе народ-суверен и суверенное государство выступают в гармоничном единстве, и публичная власть в государстве изначально

2021 года. Приведена в СПС «КонсультантПлюс» в соответствии с публикацией на сайте <http://www.ksrf.ru/> по состоянию на 28 октября 2021 года.

⁷ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на торжественном концерте, посвященном 1160-летию зарождения российской государственности, 21 сентября 2022 года.

легитимируется народом посредством ответственного делегирования власти в конституционно установленных формах и пределах.

Делегируя свою власть, в том числе путем формирования легитимных составов органов публичной власти в ходе свободных выборов, а также в ходе формирования выборными органами иных органов публичной власти в установленном порядке, народ создает устойчивую систему осуществления власти в государстве, в чем и объективируется процесс народовластия во всей полноте его понимания как длящегося комплексного правоотношения — правового состояния. Демократия отнюдь не сводится только к ее непосредственным формам, хотя они лежат в основе всей системы публичной власти. М.Н. Марченко пишет: «Рассмотрение демократии в теоретическом плане как власти всего народа или большинства членов общества вовсе не означает, как показывает общественно-политическая практика, что в *реальной жизни* эта власть фактически осуществляется всем народом или его большинством. Об этом свидетельствует уже сам факт передачи власти народом — ее источником государству — ее носителю в лице относительно немногочисленного по сравнению с численностью народа “особого слоя людей”» [13, с. 17]. Не соглашаясь с возможным негативным восприятием смысловых оттенков использованного ученым понятия «особого слоя людей», отметим в то же время, что схема на теоретико-правовом уровне описана весьма точно: народ делегирует властные полномочия учреждаемым и легитимируемым профессиональным органам, осуществляющим в том числе функции государственного и муниципального управления. Тем самым реализуется народный суверенитет — через органичное сочетание непосредственных и репрезентативных форм народовластия и *конституирование легитимной системы профессиональных органов публичной власти*. «Принадлежность суверенитета народу не означает, что он осуществляет его сам. Это невозможно, во-первых, в силу размеров современных государств и многочисленности их населения; во-вторых, в силу того, что огромное большинство граждан не обладает достаточными знаниями и достаточным досугом для непосредственного участия в законодательстве. Они могут участвовать в реализации своего суверенитета либо непосредственно содействуя изданию законов, либо доверив эту функцию некоторым из своей среды — представителям, способным лучше, чем они сами, понимать общественный интерес и сообразно с этим истолковывать их собственную волю» [14, с. 229].

Весьма важный аспект рассматриваемой концепции в практике Конституционного Суда состоит в восприятии народовластия через призму (и на основе) ключевых конституционно значимых ценностей, в чем проявляется *конституционно-аксиологический подход*.

Стенограмма на официальном сайте Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69397> (дата обращения: 14.01.2023).

Многие ученые обращают особое внимание на ценностный подход в конституционном измерении. Как пишет В.Д. Зорькин, «конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенном иерархическом соподчинении. Важнейшей задачей при реализации Конституции является поддержание баланса и соразмерности конституционно защищаемых ценностей, целей и интересов» [15, с. 8]. «Ценности, предопределяемые всеобщей человеческой природой — подчеркивает Б.С. Эбзеев, — стали основанием, на котором зиждется не только конституционный, но и международный правопорядок» [16, с. 10]. В.Е. Чиркин отмечал, что «общечеловеческие ценности получают в конституциях особое преломление, обусловленное тем, что конституция — нормативный регуляционный документ. Она переводит понятия ценностей на язык права, на уровень правовых принципов и правил поведения» [17, с. 19]. По выражению А.С. Автономова, «каждая конституция сама выступает в качестве ценности уже в силу того, что отражает господствующие в данном обществе в конкретных исторических условиях ценности и представляет собой юридический фундамент для существования этих ценностей» [18, с. 5].

Конституционный Суд, что весьма важно, одновременно исходит как из самостоятельной ценности начал народовластия, народного суверенитета, референдума и свободных выборов, как высшего непосредственного выражения власти народа, так и из их сочетания с иными отраженными в Конституции Российской Федерации ценностями, прежде всего лежащими в плоскости прав и свобод человека и гражданина, основ правового статуса личности.

Весьма значим в этой плоскости методологический подход, состоящий в том, что «сочетание принципа уважения достоинства с другими конституционными принципами позволяет выявлять и в последующем применять в конституционно-контрольной практике конструкции, имплицитно присутствующие в тексте Основного Закона»⁸. Примером применения такого подхода в контексте принципа уважения и охраны достоинства личности в исследуемой нами сфере является сформулированная в Постановлении Конституционного Суда от 16 декабря 2014 года № 33-П правовая позиция, согласно которой «в основе реализации избирательных прав должно лежать конституционное требование обеспечения взаимного доверия во взаимоотношениях личности и публичной власти, которое предполагает поддержание государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели, а их итоги признаются и уважаются как государством, так и всеми их участ-

---

⁸ См.: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

никами»⁹. Взаимное доверие, на которое здесь указал Конституционный Суд, должно, в свою очередь, базироваться на взаимной ответственности народа и государства во всем процессе делегирования народом властных полномочий органам публичной власти и реализации этих полномочий, основанной на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ).

Основы всего регулирования избирательного процесса, а также системы гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, Конституционный Суд также возводит к конституционно значимым ценностям и базовым конституционным нормам, содержащим важнейшие принципы построения и функционирования демократического правового государства. В этом аспекте существенную значимость имеет правовая позиция Конституционного Суда, выраженная в Постановлении от 22 января 2002 года № 2-П, согласно которой «конституционное регулирование, лежащее в основе избирательного законодательства Российской Федерации и ее субъектов, содержит относящиеся к основам конституционного строя нормы-принципы, а также другие нормы, предопределяющие правовую базу выборов в органы народного представительства. Прежде всего это: признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, соблюдение и защита которых является обязанностью государства[...], обеспечивающего равные права граждан Российской Федерации на всей ее территории[...]; провозглашение единственным источником власти многонационального народа России, осуществляющего свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, при том что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы[...], а также закрепление единства системы государственной власти как основы федеративного устройства Российской Федерации...», при этом «образуемые в Российской Федерации путем свободных выборов органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании», а соблюдение принципов избирательного права «делает выборы подлинным народным волеизъявлением, а законодательный орган — действительно представительным»¹⁰. Тем самым Конституционный Суд указывает на важность такого регулирования избирательного процесса,

---

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2014 года № 33-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пунктов 17 и 18 статьи 71 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 3 и 4 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.В. Гончарова» (Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.2014, № 52 (часть I), ст. 7785).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2002 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Саламова» (Собрание законодательства Российской Федерации, 11.02.2002, № 6, ст. 627).

как механизма, обеспечивающего делегирование власти народом, которое обеспечивало бы подлинную природу и реальное содержание избирательных прав граждан, а также соблюдение правовой сущности принципа свободных выборов.

Конституционный Суд предметно обращался и к соотношению двух форм высшего непосредственного выражения власти народа, составляющих основу делегирования народом властных полномочий и принятия значимых решений. Очень важна в этом ключе правовая позиция, состоящая в том, что «провозглашая референдум и свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа и гарантируя в статье 32 (часть 2) право граждан Российской Федерации на участие в свободных выборах и в референдуме, Конституция Российской Федерации исходит из того, что названные высшие формы непосредственной демократии, имея каждая собственное предназначение в процессе осуществления народовластия, равноценны и, будучи взаимосвязаны, дополняют друг друга»; при этом Конституционный Суд совершенно справедливо указывает, что «последовательность их перечисления в статье 3 Конституции Российской Федерации (референдум — свободные выборы) не дает основания для вывода о придании приоритетной роли референдуму, как не свидетельствует о приоритетной роли свободных выборов статья 32 Конституции Российской Федерации, которая, определяя право граждан на участие в непосредственном осуществлении народовластия, называет сначала право избирать и быть избранным в органы публичной власти, а затем — право участвовать в референдуме»¹¹. Применяв метод системно-структурного текстуального анализа конституционных положений, Конституционный Суд однозначно обозначил референдум и свободные выборы как равновеликие по своей правовой природе формы народовластия.

В своем Особом мнении по процитированному постановлению В.О. Лучин, напротив, писал о том, что посредством иерархии законов референдуму отводится главная роль в системе народовластия. Данный постулат он выводил из того факта, что по Конституции референдум регулируется федеральным конституционным законом, а выборы — федеральным законом. Представляется, что такой подход является в большей степени формально-юридическим (и даже юрико-техническим), нежели сущностным, обращенным к пониманию правовой природы и реального содержания анализируемых демократических институтов (хотя сам судья говорил о необходимости исходить прежде всего из социальной и юридической природы этих двух форм народовластия).

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564).

Ранее нами было отмечено, что референдум — самостоятельная форма непосредственного народовластия, которая выполняет разную с выборами роль в механизме демократии. Следовательно, одна из них не должна подменять другую или служить инструментом в рамках решения каких-либо сиюминутных задач, связанных с теми или иными политическими проблемами, не имеющими непосредственного отношения к ее сущности и предназначению [19, с. 16]. Эти формы непосредственной демократии, посредством которых реализуется механизм делегирования власти народом, в подлинном смысле равновелики.

В том же ключе следует рассматривать не только референдум, но и очень близко примыкающие к нему по своей правовой природе *всенародное голосование и общероссийское голосование*, проведенные соответственно при принятии Конституции Российской Федерации в 1993 году и при внесении в нее масштабных поправок в 2020 году. В.Д. Зорькин, например, отметил особую значимость общероссийского голосования по Закону Российской Федерации о поправке к Конституции в 2020 году в контексте демократических начал государства, подчеркнув, что «принципу народовластия в наибольшей степени соответствует, чтобы дополнительно к процедуре, предусмотренной статьей 136 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 4 марта 1998 года № 33-ФЗ „О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации“, данная поправка получила непосредственную поддержку российского народа» [20, с. 9]. С позиций конституционно-правовой концепции ответственного делегирования власти народом указанные формы народного волеизъявления также стоят в одном ряду с указанными в статье 3 Конституции референдумом и свободными выборами, объективируя конкретные механизмы реализации учредительной власти народа-суверена в рамках общих целей делегирования народом власти в стране.

Практически значимые аспекты исследуемой концепции весьма предметно затрагивались Конституционным Судом в рамках рассмотрения тех или иных дел. Мнения и особые мнения членов Конституционного Суда, изложенные по конкретным делам, органично взаимосвязаны с доктринальными воззрениями и научными позициями соответствующих судей как ученых-правоведов. Нельзя не согласиться с Б.С. Эбзеевым в том, что правоведение — живая наука, постоянно развивающаяся, чутко реагирующая на социальные, экономические и политические процессы [21, с. 123]. Ввиду этого обращение к указанным воззрениям и позициям представляет не только научно-теоретический, но и практический интерес.

В данном контексте весьма значимым предметом рассмотрения выступает категория *воли народа*, в том числе в ее соотношении с реализацией властных полномочий органов, которым власть делегирована народом.

Например, в Особом мнении судьи Б.С. Эбзеева по определению Конституционного Суда от 11 марта 2005 года № 3-О выражено «убеждение

в том, что фундамент отечественной конституционно-правовой доктрины и практики конституционного регулирования и исходную точку интерпретации Конституции Российской Федерации и ее применения, как это констатировано уже в преамбуле Конституции Российской Федерации, составляет юридический догмат воли народа, который обладает учредительной властью и является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, и в силу этого предопределяет пределы дискреционных полномочий законодателя и параметры его усмотрения»¹².

Существует несколько иной взгляд на формирование воли народа и ее соотношение с усмотрением законодателя. О.Е. Кутафин обращал внимание, что «народное представительство можно характеризовать двумя основными моментами: во-первых, законодательная воля народного представительства не является полной и безграничной; во-вторых, народные представители осуществляют не свое право, а право народа», при этом, однако, подчеркивая, что «народ не способен сам сформировать собственную волю. Это объясняется низким уровнем его политического развития, социальной дифференциацией современных обществ, техническими трудностями конституирования народной воли»; он же резюмировал: «народное представительство и является организацией, одной из возможных и, в настоящих условиях, наилучшей организацией, выражающей волю народа» [14, с. 230, 233].

Представляется, что эти воззрения сочетаются следующим образом: воля народа, опосредующая реализацию народного суверенитета в процессе делегирования власти, все же задает и определяет *общие параметры* дискреционных полномочий законодателя (в том смысле, что он не может, реализуя свою дискрецию, выйти за рамки конституционных установлений или решений, принятых народом непосредственно на референдуме), но при этом законодатель обладает *достаточно широким усмотрением в выражении воли народа* и ее воплощении в конкретные законодательные установления, что соответствует смыслу народного представительства. Например, Г.Д. Садовникова пишет: «Сущность народного представительства как идеи, политико-правовой категории и института, лежащего в основе системы государственной власти в демократических странах, можно кратко сформулировать как выражение интересов народа в форме выполнения по его поручению и от его имени функций представительных органов по осуществлению публичной власти» [22, с. 86] и предопределяется

---

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2005 года № 3-О «По жалобе гражданина Смакова Рината Миргалимовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2001 года), пункта 3 статьи 6¹ и абзаца второго пункта 1 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 года)» с Особым мнением судьи Б.С. Эбзеева (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 5, 2005).

самими делегированными законодательному органу народом полномочиями, профессионально реализуемыми таким органом¹³.

Воля народа как изначальная точка отсчета легитимации властных институтов неоднократно интерпретировалась тем или иным образом в позициях судей Конституционного Суда. К примеру, в Особом мнении В.И. Олейника по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года № 28-П была высказана обращающая на себя внимание мысль о том, что «и Президент Российской Федерации, и Государственная Дума наделяются властными функциями по воле избравшего их народа»; «из конституционного положения об осуществлении народом своей власти не только непосредственно, но также через органы государственной власти следует, что выявление в той или иной форме воли народа необходимо и при формировании государственных органов, не избираемых непосредственно населением. Это относится прежде всего к Правительству Российской Федерации, осуществляющему исполнительную власть в Российской Федерации»¹⁴. Тем самым показано значение воли народа в механизме делегирования власти не только непосредственно избираемым в ходе свободных выборов органам, но в целом всей системе органов публичной власти в государстве. При этом процессом, объективирующим сформированную волю народа, в механизме народовластия считается волеизъявление, осуществляемое в установленных формах. Доктринально воля народа, волеизъявление, народное представительство и народовластие как

---

¹³ Весьма важна, на наш взгляд, для концептуализации явления и процесса делегирования власти народом позиция Б.С. Эбзеева, состоящая в том, что, во-первых, «в основе демократической организации общества лежит принцип суверенитета народа, его верховенства в решении наиболее важных вопросов государственной и общественной жизни. Именно народоправство, осуществляемое в различных формах, составляет основу демократического правового государства», а во-вторых, «значение народного представительства как самой важной организационной формы конституционного государства, однако, не означает слияния государственной власти и народа. Речь идет о передаче народом права на законодательную власть парламенту при сохранении им за собой контроля за деятельностью парламента и иных форм реализации государственной власти. Народ передает представительным органам государства не саму власть, а лишь право на власть, на осуществление власти, причем на строго определенный срок» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383). Здесь четко видится различие учредительной и учреждаемой власти, принадлежащих соответственно народу и создаваемым им органам публичной власти.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 года № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, В.О. Лучина и В.И. Олейника (Собрание законодательства Российской Федерации, 28.12.1998, № 52, ст. 6447).

такое воспринимаются в их неразрывном органичном единстве в контексте механизма делегирования власти народом¹⁵.

Тесно примыкающим к воле народа, но не совпадающим по объему выступает понятие воли избирателей; существует мнение, что только такая и выявляется в ходе выборов. К примеру, в Особом мнении, изложенном по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 года № 21-П, Т.Г. Морщакова высказалась о роли в организации представительных органов власти «свободных, подлинных, альтернативных выборов, которые позволяют[...] выявить политическую волю избирателей и передать осуществление представительной власти победившим кандидатам»¹⁶. Вместе с тем представляется, что хотя воля избирателей на выборах действительно выражается, на этот вопрос следует смотреть шире. Суть народного представительства состоит в том, что сформированные представительные органы выражают и воплощают волю народа в целом (равно как и призваны исходить в своей деятельности из необходимости обеспечения и защиты прав и свобод всех граждан), а не только избирателей, принявших участие в голосовании.

В Особом мнении М.В. Баглая по тому же постановлению сформулирована позиция, состоящая в том, что поскольку «законодатель в государстве, в котором нет обязательного голосования, не требует для признания выборов действительными участия в них всех избирателей», то «избранный

---

¹⁵ Например, судья Конституционного Суда Н.В. Витрук в Особом мнении, изложенном к Постановлению Конституционного Суда от 30 апреля 1997 года № 7-П, подчеркивал, что идея народного представительства непосредственно вытекает из принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации, а судья Г.А. Гаджиев в собственном Особом мнении по тому же делу отметил: «Любое наделение полномочиями органов государственной власти должно отражать волеизъявление народа. Однажды сформированный орган народного представительства не может стать независимым от народа носителем государственной власти, его полномочия должны быть связаны с народным волеизъявлением. Полномочия органов государственной власти должны носить легитимный характер. Непрерывная легитимация власти органов государственной власти обеспечивается путем свободных выборов, предполагающих в том числе их периодичность», при этом судья резюмировал: «только при таком условии деятельность органов государственной власти может рассматриваться как осуществление государственной власти народом через органы государственной власти». См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1996 года № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Т.Г. Морщаковой, М.В. Баглая, А.Л. Кононова (Собрание законодательства Российской Федерации, 13.01.1997, № 2, ст. 348).

депутатский корпус, если бы он был признан представляющим только голосовавших за него избирателей, не мог бы претендовать на представительство всего народа данного государства или государственного образования. Неизбежно приходится признать, что депутат, избранный частью избирателей, является, образно говоря, слугой не своих избирателей, а всего народа. Такой вывод вытекает из принципа народовластия, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации»¹⁷. Действительно, именно воля народа как в некоторой степени абстрактно-теоретическая, но в то же время имеющая вполне реальное воплощение категория, выражается при формировании выборных органов публичной власти и далее транслируется ими при формировании иных публично-властных институтов¹⁸.

Принципиально важным является вопрос о *пределах полномочия народа* в рамках концепции делегирования власти. К примеру, В.О. Лучиным была высказана точка зрения, состоящая в следующем: «Акт высшей юридической силы, принятый всенародным голосованием, исключает принятие актов нижестоящей юридической силы, позволяющих отстранять народ от референдума. В противном случае народ был бы лишен абсолютной, только ему присущей правосубъектности. Народ, учредивший основы конституционного строя, вправе во всякое время своей непосредственной властью, являющейся высшей перед властью любых (выборных и не выборных) органов, изменить эти основы. Поэтому только народ (опять же путем референдума) вправе решать, когда и по каким вопросам можно или нельзя проводить референдум. Представляется, что условия и порядок проведения референдума в их главных, основных моментах должны устанавливаться самим народом»¹⁹.

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Стоит также упомянуть, что судья Конституционного Суда В.О. Лучин в своем Особом мнении по Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П отметил, что «федеральные выборные органы — Президент и Государственная Дума — не являются «заменителями» народа, поскольку они, не представляя собой источники власти, лишь осуществляют как представители народа отдельные властные полномочия. Такие полномочия могут быть переданы им по решению самого народа посредством выборов. Вместе с тем выборы не являются самоцелью народа и в демократическом правовом государстве не могут рассматриваться как самодостаточное выражение народовластия» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564). Такой подход, на наш взгляд, не должен интерпретироваться как отрицающий самоценную роль выборов или же ставящий под сомнение полномочие в рамках конституционно установленной компетенции упомянутых судей выборных органов. Эта позиция ценна, если воспринимать ее как указывающую, на то, что *выборы по своей сути являются универсальным организационно-правовым механизмом, обеспечивающим делегирование народом власти* формируемым легитимным органам, и в этом смысле выступают не замкнутым процессом, а *ключевым звеном единой цепи конституционно значимых действий по построению эффективно функционирующей системы публичной власти*.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 года № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федера-

Однако с подобной абсолютизацией согласиться, на наш взгляд, нельзя. Возведение в ранг абсолюта ничем, по сути, не ограниченного полномочия народа порождает правовые (и политические, что тоже необходимо учитывать) *риски* злоупотребления подобным оправданием полномочия, что составляет значимый вопрос в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом. Подобная абсолютизация не оправдана с позиций современного конституционализма. Народ, реализуя свою учредительную власть и принимая Основной закон государства, не просто конституирует и конфигурирует в нем параметры всей системы публичной власти, но и *ограничивает себя этими параметрами и конституционными принципами, признавая изначальную легитимность такой властной системы* (иная трактовка, обосновывая возможность народа в любое время произвольно менять конституированную систему власти, породила бы конституционную нестабильность и затрудняла бы нормальное функционирование всего общественно-государственного механизма, что противоречит самой идее современного стабильного конституционного государства).

Нам близка в этом смысле позиция Б.С. Эбзеева, который в своем Особом мнении по Постановлению Конституционного Суда от 30 апреля 1997 года № 7-П рассуждает о том, что демократия, которая является неотъемлемым элементом правового государства, предполагает в том числе обязанность всех государственных властей и их должностных лиц соблюдать Конституцию и действовать совместимым с законом образом; в этом смысле государственная власть в правовом государстве ограничена, Конституция и действующее законодательство устанавливают ее пределы, которые ею не могут быть преодолены правовым образом²⁰. Идея конституционных «берегов» любой публичной власти и самого народовластия видится естественным элементом современного конституционализма, краеугольным камнем феномена конституционного государства как такового. Приведем в связи с этим весьма красноречивое высказывание С.В. Вавилова и Д.А. Реута о том, что «выборы как кульминационный момент избирательного процесса представляют собой акт справедливости, причем справедливости не только законодательного регулирования порядка их проведения, но и в отношении итогов голосования

ции» с особыми мнениями судей В.О. Лучина и В.Г. Ярославцева (Собрание законодательства Российской Федерации, 23.06.2003, № 25, ст. 2564).

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1997 года № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года)» с особыми мнениями судей Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева (Собрание законодательства Российской Федерации, 19.05.1997, № 20, ст. 2383).

и результатов выборов как конституционно-правового механизма делегации власти народа, формирования и обеспечения политического единства, стабильности общества» [23, с. 295], в современном понимании существует и реализуется в четких конституированных самим народом при принятии Основного закона государства рамках.

Проведенные обзор и анализ некоторых аспектов позиций Конституционного Суда и точек зрения его судей позволяют нам изложить в качестве выводов следующие соображения.

Во-первых, в практике Конституционного Суда, как и в научных доктринальных основах, к которым судьи обращаются при формировании позиций, концепция делегирования власти народом хотя и не упоминается зачастую именно как таковая, играет свою значительную роль, что подтверждает изложенный нами выше исходный тезис исследования. При этом механизмы делегирования власти четко увязываются и воспринимаются в системном единстве с конституционными началами и принципами народовластия, включая высшие формы непосредственного выражения власти народа — референдум и свободные выборы, народного представительства, концептами народного суверенитета и воли народа. Значимым теоретико-методологическим аспектом восприятия делегирования власти народа является его рассмотрение через призму аксиологического подхода в контексте конституционных ценностей.

Во-вторых, представляется, что описанное конституционно-правовое понимание делегирования власти народом заслуживает как активного развития на доктринальном уровне, так и дальнейшего обращения к нему Конституционного Суда при формировании своих правовых позиций по вопросам, затрагивающим реализацию механизмов народовластия и функционирование единой системы публичной власти в Российской Федерации.

В-третьих, считаем, что в изложенном контексте в процессе развития научно-теоретических и практических подходов обоснованным является переход к концепции *ответственного* делегирования власти народом, которое, на наш взгляд, на современном этапе государственного строительства и на дальнейшую перспективу может служить своего рода *коммуникационным метапринципом* — базовой концептуальной идеей, на которой строится система взаимоотношений в пространстве «личность — общество — государство» (в ее публично-правовом выражении), и которая служит обеспечению стабильности этой системы. На этом метапринципе, как представляется, можно и должно основывать судебные позиции, отражающие приоритетность взаимного доверия и взаимной внутренней ответственности общества и публичной власти.

Думается, что в дальнейшем в практике Конституционного Суда может в значительной степени использоваться конституционно-правовая концепция

ответственного делегирования власти народом, а также развиваться идея о важности формирования социально ответственной личности, понятие которой в настоящее время используется в важных для развития страны документах стратегического планирования, актах Президента Российской Федерации²¹.

Представляется важным, чтобы указанные подходы получили свое отражение и совершенствование в позициях Конституционного Суда с учетом неоспоримой значимости его решений для российской правовой системы, социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Список литературы

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
2. Головин А.Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1.
3. Головин А.Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5.
4. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в историческом контексте. Размышления к юбилею Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4.
5. Таева Н.Е. Трансформация норм конституционного права под влиянием решений Конституционного Суда РФ // Lex russica. 2013. № 12.
6. Арановский К.В., Князев С.Д. Ненаправное конституционное правосудие // Судья. 2017. № 12.
7. Ершов В.В. Природа «позиций судов»: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. 2017. № 12 (140).
8. Клишас А., Иванов А., Жуйков В., Головкин Л., Ярков В., Боннер А., Кудрявцева Е., Роверс Н., Джагарян А., Веселов И. Судьба особых мнений в России: новый поворот // Закон. 2020. № 10.
9. Головин А.Г. К дискуссии о правовой природе актов Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)». Сборник тезисов. М.: Элит, 2009.
10. Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2.

---

²¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Собрание законодательства Российской Федерации, 27.07.2020, № 30, ст. 4884); Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 08.02.2021, № 6, ст. 966); Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351).

11. Эбзеев Б.С. Конституционный порядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10.
12. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4.
13. Марченко М.Н. Демократия как атрибут правового государства и ее изъяны // Государство и право. 2014. № 5.
14. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.
15. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65).
16. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1.
17. Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции (К 20-летию Конституции России) // Государство и право. 2013. № 12.
18. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. 2009. № 3.
19. Борисов И.Б., Головин А.Г. Право на референдум: 25 лет конституционно гарантированному демократическому институту // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4.
20. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Конституционный Суд Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2021.
21. Эбзеев Б.С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия // Журнал российского права. 2013. № 1.
22. Садовникова Г.Д. Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии? // Государство и право. 2009. № 12.
23. Избирательные процессы и практика: актуальный взгляд. Монография / коллектив авторов; под общ. ред. Б.С. Эбзеева, И.Б. Гасанова. М.: РЦОИТ, 2018.